

Светлана ГОЛУБЕВА

ИВУШКА

Жили на свете две родные сестры. Старшая — девушка на выданье, младшая — ребёнок ещё, но ладили на диво.

Мать радовалась этому и огорчалась. Дружные дети — счастье, но ведь расставаться придётся: как они друг без дружки заживут?..

Пришло время старшей сестре замуж выходить. Парень из города свататься приехал. Жених видный: синеглазый, кудрявый, характер — золото, и руки так же, стало быть, жену не обидит и не обездолит. Невесте любо, родителям — забота, а младшенькой — горе. Однако сосватали.

Бедная девочка оставшиися ночки впричѣт плакала, а мать по голове еѣ гладила: подрастѣшь, мол, у самой жених появится — всё образуется. Худо-бедно договорились.

Отшумело веселье, увѣз муж молодую жену в город. Младшая будто осиротела. По вечерам к реке ходить полюбила: придѣт на бережок, сядет и думает. О чѣм — бог весть...

Немного времени прошло, девочка расцвела, в красивую девушку превратилась. Тихая, заботливая, на веселья с подружками не ходит, а замуж — рано пока. Всё складывалось как надо, а вышло по-другому...

Как-то пропала она из села. Матери записку оставила, что, мол, в город отправилась, по свою долю. О старшей сестре — ни буквы: к ней ли, нет ли? Искать не велела...

В городе увидела девушку одна хваткая вдова, к себе позвала, накормила, принялась печаль-судьбу визнавать — ничего не сведала. Видит, что девица серьёзная, у себя еѣ оставила. Сама-то женщина пирогами на рынке торговала: напечѣт спозаранку, продаст — тем жила.

Тяжело одной, а с помощницей всё же легче. Пока одна первую выпечку продаѣт, другая дома ещё стряпает. Приезжая ничего: торгует, не гнушается, деньги до копейки хозяйке отдаѣт. И всё молча, с опущенной головой. Вдове-то какой в том урон? Дело делается, деньги идут, а в душу к человеку чего лезть? Захочет — расскажет. Так жили. Друг друга не обижали, но и не откровенничали.

Так-то девушка по рынку ходила, лиц не разбирала, вдруг слышит приветливый голос:

— У такой красавицы всю корзину купить — денег не жалко. С чем пирожки, милая?

Подняла она голову посмотреть, кто спрашивает, и пропала: раньше-то людей не больно

разглядывала, а с этой минуты весь мир опустел. Стоит голубка моя, смотрит, как заморожённая, на молодого мужчину и ничего, кроме его голубых глаз, не видит, никого не слышит, а что спросил — забыла.

— С чем пироги-то, красавица? — улыбнулся мужчина.

Может, он ко всем так, а девушке почудилось, что ей одной его улыбка золотым лучом сердце погладила. Впервые после сестриной свадьбы хорошо стало. Улыбнулась она в ответ, корзину протянула: выбирай, мол, любой. Молодец выбрал два, заплатил. Потом корзину до дома поднёс, на прощанье рукой помахал. Он ушёл, а девушка наша стоит, как выросла...

С той поры она на рынке голубоглазого красавца только и высматривала.

Через время он ей опять попался, вспомнил. Как не вспомнить: милая, стройная, с пирожками. Много их, что ли, тут ходит? Кивнул, здарсьте, мол, дальше пошёл. Думать не думал, а к сердцу нашей пирожницы навсегда прирос.

Вдова-то поняла, что у молодой товарки зазноба появился, но смолчала. А что скажешь, коли человек сердцу не волен? Хорошо уже, что помощница душой маленько оттаяла.

Скоро красавец на рынке появляться перестал. Девушка его крепко полюбила, жить без него сил не было. Помаялась, опять же молча, потом решила по улицам с корзинкой ходить: вдруг повстречает.

Ходила, за ограды заглядывала, для виду пироги купить предлагала. В одном месте услышала знакомый голос! Сердце так и зашлось. Заметалась девушка вдоль забора: как бы увидеть голубые глаза своего милого. Заглянула и обмерла! Ходит по двору её милый, на руках крепыша-мальчишку носит. На крылечке — молодая

женщина смеётся. Пригляделась голубка — ах ты, Господи! — её родная сестра!..

Где бедняжка свою корзинку потеряла — не помнила, как за город выбралась — не поняла. По дороге идёт, в толк не возьмёт: почему она жива до сих пор? Слезы нутро нестерпимо жгут, а наружу нейдут! Закричать бы — никак.

Побрела горемычная с пожаром и закаменевшим стоном внутри, кажется, наугад, а на самом деле в родное село. Спросил бы кто, зачем — не ответила бы.

На воле-то лето разгорается, в роще соловьи любовь кличут, ветерок к деревьям ласкается, а наша страдальца ничего не слышит — оглохла, ничего не чувствует — омертвела, ничего не видит — ослепла.

Невесть какие силы её к материнскому порогу привели. Опустилась на крылечко и невдруг поняла, что дом заколочен: померла мать.

Тут и заплакала сиротинка. На берег реки пошла, запричитала:

— Речка, реченька! Незачем мне жить на свете. Забери к себе!

Бросилась с обрыва, да в речку-то не попала. Чувствует: наклонилась к воде, косы да руки к ней простёрла, а упасть не может! Покрылось стройное девичье тело золотой молодой корой, пряди — нежными зелё-

ными листочками. Смотрит голубушка в воду, а вместо себя деревце видит...

Деревце это люди плакучей ивой звать стали. Слез его не замечают, а душой чувствуют: поныне плачет-горюет девушка-деревце. Вот только о чём? О друге милом, о сестре ли с матерью, о своей ли горькой судьбе?..